

С К В О З Ъ В Р Е М Я

ОГОНЬ В ЛАДОНЯХ

Сергей Диковинный

Сергей Диковинный

**Сквозь время. Огонь в ладонях.
Пролог. Первобытность**

«Автор»

2026

Диковинный С. В.

Сквозь время. Огонь в ладонях. Пролог. Первобытность /
С. В. Диковинный — «Автор», 2026

Первая новелла цикла «Сквозь время» - образовательного проекта исторических новелл для школьников. Десять глав, шесть путешествий, три героя и один мальчик — простая и точная формула этой книги. Витька — обычный пятиклассник. Двор, река, старые гаражи, велосипед, лето. Однажды на его руке появляется браслет — металлический, с квадратами. Каждый раз, когда он понимает что-то важное, один квадрат загорается зелёным. Вместе с друзьями Ленкой и Петькой он проходит путь, который человечество прошло за десятки тысяч лет: от первого костра до первого колеса. Не в музее, не в учебнике — на месте. У костра. В мастерской. В поле. На плоту. Книга о том, что цивилизация начинается не с пирамид и не с царей, а с маленьких умений: сохранить огонь, обтесать камень, слепить горшок, запомнить дорогу. И о том, что каждое такое умение — это чья-то выдумка, чья-то смелость, чья-то ошибка. Для детей 10–13 лет. И для взрослых, которые хотят вспомнить, как это — делать впервые.

© Диковинный С. В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Лето, поле, тарелка	5
Глава 2. Никому не расскажу. Кроме...	11
Глава 3. Огонь	16
Глава 4. Ленка не верит	20
Глава 5. Охота	24
Глава 6. Стена	29
Глава 7. Зерно	33
Глава 8. Голос	37
Глава 9. Колесо	41
Глава 10. Разбор	44
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Сергей Диковинный

Сквозь время. Огонь в ладонях.

Пролог. Первобытность

Глава 1. Лето, поле, тарелка

Началось всё с того, что Витьке стало скучно.

Это, если честно, самое честное начало. Не с грозы, не с предчувствия, не с того, что у него ёкнуло сердце. А со скуки. Лето в деревне у бабушки — это когда дни длинные, а дел нет. Речка мелкая. Лес — далеко. Бабушка гоняет: то воды принеси, то картошку прополи, то не сиди на солнце. К вечеру Витька уже не знал, куда себя деть. Телевизор не ловил. Телефон сел ещё днём. Книжку он забыл в городе — вторую книжку про драконов, которую взял у Петьки ещё в мае и до сих пор не вернул.

Он лежал на крыльце, смотрел, как солнце падает за огород, и думал, что вот сейчас было бы очень кстати, если бы случилось что-нибудь. Совсем что угодно. Хоть град. Хоть пожар. Хоть медведь из леса.

Ничего не случилось.

Тогда он встал, сунул ноги в кроссовки и пошёл за дом. Просто так. Куда глаза глядят. Бабушка крикнула вслед:

— Далеко не ходи!

— Не! — крикнул Витька и пошёл ходить далеко.

За бабушкиным домом начиналась дорога. Дорога переходила в тропинку. Тропинка вильнула между двух берёз и вывела в поле. Поле было большое. Даже не поле — поле было **никакое**. Оно просто было. Трава, да кузнечики, да небо. Каждый год оно там, и каждый год Витька не знал, что в нём делать.

Он прошёл вдоль края. Потом повернул вглубь. Потом сел в траву. Потом лёг. Потом снова встал, потому что в траву заполз муравей.

Солнце опускалось всё ниже. Край неба, где оно садилось, стал розовым, а потом — красным. Потом красное погасло, и стало темно. Не так темно, как в городе, — в городе темнота фонарная, уютная, по краям жёлтая. А тут темнота была своя, настоящая, изнутри.

Витька подумал: "Пора домой". И вдруг остановился.

За полем, у самого леса, кто-то зажёл свет.

Он не был похож ни на фонарь, ни на машину, ни на окно. Он был ровный. Круглый. Большой. И не двигался. Просто висел над землёй — невысоко, метра на три, — и не шумел.

Витька смотрел на него долго. Он даже подумал сначала, что это луна. Но луна была в другой стороне — он её видел чуть раньше, тонкую, как ноготь. Значит, это была не луна.

Он мог бы пойти домой. Правда мог. Если бы он пошёл домой, бабушка бы дала ему чаю с сушками, и он бы заснул, и на следующий день всё было бы как всегда.

Но Витька не пошёл домой. Витька пошёл на свет.

Он шёл не быстро. Сначала шагом. Потом — тише. Потом вообще остановился шагов за сто и присел в траву, чтобы посмотреть.

Свет не двигался. Он просто был. И в этом свете, прямо под ним, Витька увидел троих людей.

Они стояли в поле ровно. Не разговаривали. Не оглядывались. Не ходили туда-сюда. Просто стояли. Все трое — как будто кто-то поставил их аккуратно, по росту — двое с одного края, один — с другого.

На первый взгляд — люди как люди. Мужчина и две женщины, вроде. В длинных куртках, только не тяжёлых, а тонких. И лиц не видно, потому что свет бил им в спины. И вот это было странно: свет был у них за спинами. Как будто не они пришли к свету, а свет пришёл с ними.

Витька хотел развернуться и тихонько уйти. Именно так, если честно, и делают нормальные люди, когда видят в поле ночью троих незнакомцев под странным светом.

Но он не успел.

Один из них — тот, что стоял отдельно, — повернул голову. Не сразу. Как будто почувствовал: сначала чуть-чуть, потом ещё чуть-чуть. И посмотрел прямо на Витьку. Через сто шагов. Через темноту. Через траву.

— Здравствуй, — сказал человек.

Он сказал это негромко. Но Витька услышал его так, как будто тот стоял в двух шагах. И голос у него был обычный. Совсем обычный. Как у учителя географии.

Витька подумал: "Бежать". И не побежал.

— Ты можешь подойти, — сказал человек. — Мы не сделаем тебе плохо. У нас мало времени, а ты как раз кстати.

Странные это были слова — "как раз кстати". Как будто Витька был частью плана. Как будто его ждали. И это было самое неприятное во всей этой истории: Витька вышел из дома от скуки, без всякой цели, вообще ни при чём. И вдруг оказалось, что он как раз кстати.

Он встал. Отряхнул колени. И пошёл.

Когда до них осталось шагов десять, свет стал мягче — он теперь был как вечернее окно, а не как фонарь. И Витька увидел их лица.

Лица были **обычные**. Это первое, что он подумал. У мужчины — тонкое лицо, тёмные волосы, чуть с проседью. У одной женщины — круглое, доброе, с ямочками, как у бабушкиной соседки. У другой — узкое, длинное, и глаза, которые как будто **смотрели на два шага дальше** Витьки.

Обычные лица. И в то же время — Витька не мог понять, что в них было не так.

Он понял это позже. Ночью, когда уже лежал дома.

Они смотрели на него слишком внимательно.

Не как на ребёнка, который забрёл в поле. А как на что-то важное. Как будто Витька был задачей, которую им надо было решить. И они **очень боялись ошибиться**.

Мужчина присел на корточки — так, чтобы быть с Витькой одного роста. И это было странно, потому что обычно взрослые не приседают перед детьми, если это не детский сад. Но он присел. И сказал:

— Тебя как зовут?

— Витя, — сказал Витька. И тут же поправился: — Виктор. Витька. Снегирёв.

— Витька, — повторил мужчина, и было в этом что-то тёплое, как будто он пробовал слово на вкус. — Витька. У нас очень мало времени. Поэтому я скажу коротко, а ты потом подумаешь.

Витька кивнул.

— Мы не отсюда, — сказал мужчина.

Витька кивнул.

Он не удивился. Странно, но не удивился. Может быть, потому, что свет. Может быть, потому, что присел. Может быть, потому что уже много лет внутри него жило тихое подозрение, что в мире есть что-то, чего ему ещё не сказали.

— Мы не отсюда, — повторил мужчина. — И мы прилетели очень издалека. Нам нужно понять вас. Людей. Мы давно вас изучаем. Но снаружи мы не понимаем — совсем. Мы умеем измерять. Считать. Отслеживать. Но мы не понимаем, **чем вы живёте**. Не внутри. Это как смотреть на дом с улицы и думать, что дом — это стены. А дом — это не стены.

— А что? — спросил Витька. Он сам не знал, зачем спросил.

Мужчина улыбнулся — чуть-чуть, одними глазами.

— Вот это и надо понять, — сказал он. — Поэтому мы ищем **кого-то внутри**. Не учёного. Не большого человека. Нам нужен кто-то, кто ещё не решил, что всё знает. Кто ещё удивляется.

Он посмотрел на Витьку прямо.

— Ты вышел в поле из скуки, да?

Витька покраснел.

— Да, — сказал он. — Просто так.

— Идеально, — сказал мужчина. И это было так просто сказано, что Витька даже не обиделся на "идеально".

Мужчина выпрямился. И тогда женщина с ямочками — та, что стояла справа, — шагнула вперёд и протянула Витьке что-то маленькое. Круглое. Металлическое. Как часы без стрелок.

— Это браслет, — сказала она. Голос у неё был мягкий, как у школьной медсестры. — Он тебе поможет.

Витька взял. Браслет был **не холодный**. Хотя летняя ночь давно остыла, и руки у Витьки тоже. Браслет был **тёплый**, как будто его только что держал кто-то живой.

Он надел его на руку. И как будто сам собой застегнулся.

На экране — там, где у часов должны быть цифры, — вспыхнул свет. И Витька увидел **квадратики**. Много. Он не сразу сосчитал. Потом сосчитал. **Тридцать один**.

Они были **красные**. Все. Совсем красные, как флажки на карте, как ягоды, как лампочки, которые не хотят гореть.

— Здесь тридцать один, — сказал Витька.

— Да, — сказала женщина. — И пока они красные — ты не готов.

— К чему не готов?

— К нам, — сказала женщина. — Через семь лет мы вернёмся. Тогда у нас будет время. Долгое время. Много часов. Мы сядем. И ты расскажешь нам — кто вы такие.

Витька посмотрел на неё.

— Я?

— Ты.

— Но я ничего не знаю, — сказал Витька. И это была чистая правда. Он в самом деле ничего не знал. Историю он в школе не любил. Параграфы про Древний Египет казались ему набором странных картинок и имён, которые надо заучить, чтобы не получить двойку у Галины Петровны. Он даже не помнил, что было раньше — Египет или Рим.

— Это и хорошо, — сказал мужчина. — Если бы ты знал, ты бы рассказывал нам **своё**. А нам нужно **ваше**. Ты узнаешь. Браслет поможет.

— Как?

— Ты будешь путешествовать, — сказала женщина. — Нажимаешь красный квадрат — и попадаешь туда, где всё началось. По порядку. Шаг за шагом. Не спеша. Не перескакивая. Когда ты побываешь в эпохе, квадрат станет зелёным. Когда станут зелёными все — мы придём.

Витька посмотрел на браслет. Тридцать один. Красные. Все.

— А я там... — начал он. И не договорил.

— Ты будешь **своим**, — сказала женщина с ямочками. Она сказала это раньше, чем он спросил. Как будто знала вопрос. — Ты будешь выглядеть как местный. Понимать язык. Не выделяться. Тебя примут. Ты не заболеешь. Ты не умрёшь там. Тебя не тронут.

— А тут?

— А здесь тебя не хватятся, — сказала женщина. — Ты будешь исчезать и появляться в одно и то же мгновение. Ты можешь быть там день. Неделю. В тот момент, когда вернёшься, бабушка ещё будет звать тебя ужинать.

Витька ничего не сказал. Он думал о том, что это было бы очень удобно. И ещё о том, что это, если честно, страшно.

— А если я не хочу? — спросил он.

Мужчина посмотрел на него. И впервые за весь разговор он **чуть-чуть замялся**. Совсем немного. Как будто вопрос был неудобный.

— Тогда ты снимешь браслет, — сказал он. — И всё будет как было.

— И вы не придёте?

— Мы придём, — сказал мужчина. — Мы придём в любом случае. Просто тогда нам будет не с кем поговорить. И мы уйдём. Насовсем.

Витька молчал.

Это было нехорошо. Он это чувствовал. Что-то в этой фразе было **такое**, от чего внутри холодело. Как будто от него — от Витьки, от одиннадцатилетнего, от того, кто забыл вторую книжку про драконов в городе, — **что-то зависело**. И он ещё не понимал, что именно. Но уже понимал, что **много**.

Он ещё раз посмотрел на браслет.

Тридцать один красный квадратик.

— А это долго? — спросил он.

— Семь лет, — сказал мужчина. — Может быть, меньше. Зависит от тебя. У тебя будет школа, друзья, лето, зима, дни рождения. Всё как обычно. Просто иногда — ты будешь уходить.

Витька подумал.

Он подумал про бабушку. Про Петьку. Про город. Про то, что через два месяца — в пятый класс, а он даже не знает, кто такая Галина Петровна, будет ли химия, и почему у старшеклассников такие лица.

Он подумал о том, что если он сейчас скажет "нет", то ничего **никогда** не случится. Он будет жить, как все. Пойдёт в пятый, потом в шестой, потом дальше. И однажды, лет в тридцать, вечером, будет смотреть в окно и думать: "А в поле тогда что было? Может, показалось?"

И Витька сказал:

— Ладно.

Мужчина улыбнулся сильнее.

— Спасибо, — сказал он.

И это было самое странное в этом разговоре. Потому что **спасибо** говорят тому, кто помог. А Витька ещё ничего не сделал. Ничего **вообще**. Он просто стоял в поле в тапках и с царапиной на колене.

— Три правила, — сказал мужчина быстро. — Это важно. Первое: никому не рассказывай. Только тем, кому правда нужно. Второе: не выноси ничего оттуда. Ничего. Совсем. Только то, что в голове. Третье: не торопись. Порядок — важен.

— А если расскажу?

— Тебе не поверят, — сказал мужчина. И улыбнулся. — Это не запрет. Это просто правда.

Он посмотрел куда-то в сторону — не на Витьку, не на женщин, а как будто в часы, которых не было.

— У нас осталось двадцать секунд, — сказал он. — Спасибо, Витька. Мы будем ждать.

— А как вас зовут? — спросил Витька. Он сам не понял, почему спросил. Может, потому что не хотел, чтобы это закончилось так быстро. Может, потому что боялся остаться один.

Мужчина посмотрел на него.

И не ответил.

Потом свет, который держался у них за спинами, стал **ярче**. Не ослепительно. Просто светлее. Как будто кто-то повернул ручку.

— До встречи, — сказала женщина с ямочками.

— До встречи, — сказал Витька.

Свет сжался.

Не погас. Не потух. Сжался. Как будто взял себя за края и стянул в одну точку. И в этой точке Витька на секунду увидел что-то — очень маленькое, очень аккуратное, длинное, вроде пера, — и оно ушло вверх, в небо, быстрее, чем Витька успел проследить.

Потом стало темно. Обычно.

Поле было то же. Трава была та же. Кузнечики орали — Витька вдруг понял, что они орали всё это время, и он их раньше не слышал.

Он стоял один. В поле. Ночью. С браслетом на руке.

Посмотрел на него.

Тридцать один красный квадратик.

Витька посмотрел в ту сторону, где только что был свет. Там ничего не было. Совсем ничего. Даже трава не примята. Даже следов нет.

Он поднял руку и потрогал браслет. Тот был тёплый.

Витька постоял ещё немного. Посмотрел вокруг. Вдохнул. И пошёл домой.

Бабушка встретила его у калитки — уже в халате, уже собиралась ругаться.

— Ты где шлялся? Темно уже! Ужин остыл.

— Я тут, — сказал Витька. — За полем.

— За полем! — всплеснула бабушка. — Что там за поле-то? Трава одна. Иди мой руки.

Витька пошёл мыть руки. За столом он ел молча. Бабушка что-то говорила про соседку и про то, что коза у соседки опять зашла в огород. Витька кивал. Иногда говорил "ага".

А под столом, под столешницей, у него на руке — светились красные квадратики.

Он их накрыл ладонью.

Ночью, когда все легли, Витька ещё долго лежал с открытыми глазами. Он вытянул руку над одеялом и смотрел, как в темноте браслет тихо мерцает. Тридцать один. Красные. Как лампочки гирлянды, которая никак не может зажечься.

Он ещё не знал, что будет делать. Он не знал, что там, за квадратами. Он не знал, что такое "первобытность" и почему она первая. Он не знал, что такое "Древний Восток" и почему его так много. Он ещё ничего не знал — и это было самое лучшее, что могло быть.

Он лежал и думал про то, что где-то далеко — очень далеко — есть те трое. Они взяли и улетели. И ждут. Семь лет. Они полетели домой и будут там семь лет. А он остался здесь. С браслетом. И теперь что-то **начнётся**.

А потом он вспомнил, что забыл спросить самое главное.

Он не спросил: а зачем им это?

Зачем далёким людям — или кто они там, — понимать нас? Зачем им смотреть внутрь дома? Что они там потеряли?

Он не спросил. И теперь не спросит. Семь лет.

Витька перевернулся на другой бок. За окном басовито скрипнул сверчок. Бабушка в соседней комнате повернулась и что-то пробормотала во сне.

Под одеялом тускло светились тридцать один красных квадратики.

Витька закрыл глаза.

И заснул.

Глава 2. Никому не расскажу. Кроме...

Витька продержался ровно шесть дней.

Это, если честно, много. Шесть дней он жил как обычно. Ходил на речку. Помогал бабушке с картошкой. Один раз сходил в магазин за хлебом — и там долго стоял у витрины с мороженым, будто выбирал, а на самом деле просто думал про браслет. Ещё он два раза залезал на чердак — просто чтобы побыть одному, — и там, в пыли и старой мебели, смотрел на тёплые красные квадратики.

Квадратики не менялись. Все тридцать один. Красные. Как вишня на ветке — все созрели, но не падают. Витька трогал их пальцем. Ничего не происходило. Он читал надписи — там, где по краю экрана шли совсем мелкие буквы, — но буквы были не на русском. И не на английском. Вообще ни на каком. Он не понимал их совсем.

Он думал: "Надо нажать. Надо просто нажать". И не нажимал.

Почему? Он и сам не знал.

Может быть, потому что боялся. Может быть, потому что хотел сначала кому-то рассказать. Может быть, потому что чувствовал: то, что случится, когда он нажмёт первый квадрат,

— отменить уже будет нельзя. Как прыжок с моста в воду: пока стоишь — можно передумать. Как только полетел — уже нет.

Он решил так: дождусь Петьку.

Петька Ковалёв был лучший друг. Они сидели за одной партой с третьего класса. Петька жил в городе, но у него тоже была бабушка — в другой деревне, в получасе езды. Раз в две недели родители Петьки привозили его к бабушке на выходные. И тогда Петька ухитрялся **сбежать** к Витьке. Пешком. Через лес. Один раз пришёл в сандалиях, но по колено в грязи. В другой раз — с корзинкой, потому что бабушка послала за грибами, а он решил, что за грибами можно и к Витьке. Грибов он не принёс. Бабушка огорчилась.

Витька ждал Петьку со странным чувством. Как будто он во что-то влип и не может сказать никому, кроме одного человека. И человек этот — вот-вот придёт.

Петька пришёл в субботу. Он вообще никогда не стучал — просто открывал калитку и шёл, как к себе. И в этот раз он так же открыл калитку, так же прошёл по двору — в жёлтой футболке, в шортах, с ободранной коленкой, — и заорал от калитки:

— Витька! Ты дома?

Витька вышел на крыльцо. Бабушка выглянула из окна, увидела Петьку, махнула рукой и ушла обратно — Петьку она знала давно и любила.

— Ты чего такой? — спросил Петька сразу. Он всегда всё видел сразу.

— Какой?

— Странный. Как будто тебе слона подарили.

— Почему слона?

— Не знаю. Просто странный. Пойдём на речку?

— Пойдём, — сказал Витька. — Только... у меня дело.

Петька посмотрел на него. Потом ещё раз. Потом сел на нижнюю ступеньку крыльца и сдвинул сандалеты.

— Ну, — сказал он. — Рассказывай.

— Почему ты решил, что надо рассказывать?

— Потому что у тебя лицо, — сказал Петька. — У тебя лицо такое, как будто ты **хочешь** рассказать и не знаешь, как. У меня такое было, когда я в третьем классе в туалете дверь сломал. Я тогда тоже ходил и не знал, кому сказать. Но мне никто не поверил, что это случайно. А тебе я поверю. Говори.

Вот поэтому Петька и был лучшим другом. Он умел так сказать — "говори", — что после этого **говорить было легко**.

Витька сел рядом. Посмотрел на небо. На бабушкин огород. На свои тапки. И рассказал.

Он рассказал всё — с самого начала. Как скучно было. Как он пошёл за дом. Как увидел свет. Как присел в траву. Как они его позвали. Как мужчина присел на корточки. Как женщина с ямочками дала браслет. Как стало темно. Как свет **сжался** ушёл в небо. Как он вернулся домой и бабушка ругалась, что ужин остыл.

Он не перебивал себя и не выдумывал. Это было удивительно: обычно, когда рассказываешь что-то важное, хочется приукрасить. Здесь приукрашивать было **нечего**. Всё и так было странное.

Когда он закончил, Петька молчал.

Витька украдкой посмотрел на него. Петька сидел и смотрел в одну точку — куда-то на забор. Не смеялся. Не крутил пальцем у виска. Не говорил "ну ты и заливал". Молчал **долго**.

Это было самое страшное. Ну, то есть Витька был готов, что Петька засмеётся. Он был готов, что Петька скажет: "Витька, ты летом перегрелся". Он был готов даже к тому, что Петька обидится: "Ты чего меня разыгрываешь". Но Петька **молчал**.

— Петь, — сказал Витька. — Ты чего?

Петька повернул голову. И Витька с удивлением увидел, что у Петьки **глаза совсем не смеются**. И не потому, что Петька не поверил. А потому, что Петька **уже поверил**. И уже думал.

— Покажи, — сказал Петька.

Витька задрал рукав.

Браслет был на месте. Металлический, гладкий, тёплый. Экран светился в утреннем свете не так ярко — но всё равно было видно: **тридцать один красный квадратик**.

Петька наклонился. Посмотрел. Протянул палец — но не тронул.

— Можно?

— Трогай. Он не жжётся.

Петька потрогал. Погладил браслет — чуть-чуть, как будто это была не вещь, а животное. Потом отнял палец. Потом откинулся на перила. Потом сказал:

— Значит, вот так. Просто вышел в поле — и оно как дало.

— Да, — сказал Витька. — Вот так.

— И они улетели.

— Улетели.

— И прилетят через семь лет.

— Да.

— И ты должен им что-то рассказать.

— Да.

— И ты пока не знаешь что.

— Нет. Не знаю.

Петька замолчал снова. И вдруг сказал — очень серьёзно, как взрослый:

— А почему ты? Почему не кто-то другой?

Витька задумался. И честно сказал:

— Я не знаю. Мне кажется... это **случайно**.

— Как случайно?

— Ну, — Витька подбирал слова. — Я просто в поле оказался. Не потому что я хороший. Не потому что я умный. Я вообще не умный. Я даже не помню, что было раньше — Египет или Рим. Просто... я вышел в поле. А они там были. И всё.

Петька кивнул.

— Это правильно, — сказал он.

— Что правильно?

— Что случайно. Так честнее. Если бы тебя выбрали — это было бы... не по-настоящему.

А так — ты просто человек. Как все.

Витька посмотрел на него. Он не ожидал таких слов от Петьки. Петька был добрый, но обычно не задумывался. А тут — **задумался**.

Потом Петька сказал:

— А они... какие?

— Обычные, — сказал Витька. — Вот как ты. Как я. Только... внимательные. **Слишком внимательные**.

— Это как?

— Как будто ты не мальчик, а... — Витька подумал. — Как будто ты **задача**. Которую им надо решить.

Петька ничего не сказал. Он смотрел на браслет.

— А ты уже пробовал нажимать? — спросил он.

— Нет.

— Почему?

Витька молчал. Он сам не мог сформулировать.

— Боишься? — спросил Петька.

— Да, — сказал Витька. — Боюсь.

— Чего?

— Что это **всё по-настоящему**. Что там **не красиво**. Что я не справлюсь. Что я вернусь другим — а вы с Ленкой заметите.

Петька засмеялся. Впервые за всё утро.

— Дурак ты, — сказал он. — Все возвращаются другими. Я вот летом вырос на пять сантиметров — и заметили все. А ты боишься, что заметят внутри.

— Ну, это разное.

— Одинаковое, — сказал Петька. — Вить. Если ты уйдёшь в прошлое и вернёшься — это как если бы ты уехал в лагерь и вернулся. Разница только в том, что тут **лагерь — весь мир**. И знаешь что?

— Что?

— Я бы поехал.

Витька невесело хмыкнул.

— Легко тебе говорить. Ты туда не пойдёшь.

— Не пойду, — согласился Петька. — Но я и не должен. Это **твой** браслет. И ты должен. Если бы не должен был — тебе бы его не дали. Логично?

Витька не был уверен, что логично. Но что-то в этом было.

Он долго молчал. Потом сказал:

— Я думаю дождаться вечера. Ну, то есть — нажать вечером. Когда бабушка ляжет.

— Я приду, — сказал Петька.

— Не надо.

— Почему?

— Потому что если ты придёшь — я буду при тебе. Мне надо одному. Чтобы ты не смотрел.

Петька надулся. По-настоящему надулся, как в третьем классе, когда Витька получил пятёрку по математике, а он — тройку.

— Почему?

— Потому что я не знаю, что будет, — сказал Витька. — Может, я исчезну. Может, не сразу вернусь. Может, вообще не вернусь — пока не пройду весь квадрат. И если ты будешь **смотреть** на это — я не смогу.

— Я не буду смотреть.

— Ты будешь, — сказал Витька. — Ты всегда смотришь. Помнишь, как я в прошлом году с дерева падал? Ты смотрел. И я сбился.

Петька засмеялся.

— Ладно, — сказал он. — Не приду. Но завтра утром приду. С первым же светом. И ты мне расскажешь.

— Расскажу.

— Обещаешь?

— Обещаю.

Петька встал.

— Пойдём на речку, — сказал он. — Всё равно. Хоть последний день нормальный.

Они пошли на речку. Купались. Ныряли. Брызгались. Петька ловил мальков в банку — поймал двух и одного утопил по неосторожности. Витька лежал на песке и смотрел в небо. Мягкое, летнее, без облаков.

Он уже **знал**, что сегодня вечером нажмёт. Просто знал, и всё. И на душе от этого было и страшно, и хорошо.

Когда Петька уходил, он остановился у калитки. Обернулся. И сказал:

— Вить.

— Что?

— Ты только это. Если вдруг там что-нибудь **такое...** ну, ты понимаешь... не молчи. Приди и расскажи. Я всегда поверю.

— Поверишь.

— Ага, — сказал Петька. — Я всегда поверю. Даже если ты мне скажешь, что мамонты умели говорить.

И ушёл. Через калитку. Через поле. Через лес — к своей бабушке.

Витька постоял ещё немного во дворе. Потом ушёл в дом. Помог бабушке помыть посуду. Посмотрел с ней сериал — тот, что она всегда смотрит, где все ссорятся и мирятся. Умылся. Пожелал бабушке спокойной ночи. Пошёл в свою комнату. Разделся. Лёг.

И стал ждать.

Он лежал и слушал, как бабушка ходит по дому. Как она выключает свет в кухне. Как скрипит её кровать. Как в сарае засыпают куры. Как становится тихо.

И когда стало совсем тихо — Витька сел. Включил настольную лампу. Посмотрел на браслет.

Тридцать один красный квадратик.

Он посмотрел на самый нижний — тот, что был **первый**. Квадратик чуть-чуть **толкнулся** под его взглядом. Как будто знал, что на него смотрят.

Витька глубоко вздохнул.

— Ладно, — сказал он вслух — так, чтобы не громко, чтобы бабушка не услышала. — Ладно.

Он положил палец на квадрат.

Квадратик был тёплый. И — ждал.

Витька закрыл глаза.

И нажал.

Глава 3. Огонь

Витька нажал — и **ничего не произошло**.

То есть совсем ничего. Комната осталась комнатой. Лампа горела. На стене висели вырезки из журналов — старые, ещё папины. За окном стрекотал сверчок. Витька подождал. Потом посмотрел на браслет. Квадратик не стал ни зелёным, ни каким-нибудь ещё. Он так и остался красный. Но что-то в нём было не так.

Витька присмотрелся и понял: квадратик **мигал**.

Он мигал ровно, тихо, как маячок на вышке. И от мигания под кожей у Витьки разошлось тепло. Не горячо. Тепло.

Он хотел убрать руку — и не смог. Палец **прилип** браслету. Не больно. Ровно так, как будто квадратик держал его за палец — вежливо, но твёрдо.

И тогда комната **сдвинулась**.

Витька потом долго думал, как это описать. Никаких вспышек. Никакого свиста. Никакого "полетел сквозь время". Просто всё, что было вокруг, — обои, лампа, окно, шкаф, вырезки — **чуть-чуть отъехало в сторону**. Как если бы декорации на сцене медленно потянули за верёвку. И за декорациями оказалось **другое**.

Витька зажмурился. Потом открыл глаза.

Он стоял на земле.

Не на полу. Не на паркете. На **земле**. Холодной, влажной, с крупной травой и прошлогодними листьями. Ноги были босые. И это первое, что Витька заметил: **ноги босые**. И ещё — что на нём **не та одежда**. Не пижама, в которой он лёг. Что-то другое. Тёплое. Из кожи и меха. Он потрогал — пахло дымом и старой шкурой.

Он стоял среди деревьев. Не в лесу — на опушке. Слева — лес, тёмный, густой, незнакомый. Справа — поляна. А на поляне — **люди**.

Витька замер.

Их было много. Не толпа — **племя**. Мужчины, женщины, дети. Они сидели на земле, на шкурах, вокруг костра. Не разговаривали. Просто сидели. Кто-то ел. Кто-то спал. Кто-то смотрел в огонь, как будто видел там что-то важное.

Витька смотрел на них и ждал, что сейчас будет.

Он ждал, что сейчас **кто-то закричит**. Что кто-то вскочит и покажет на него копьём. Что все повернутся — и будет страшно. Так бывает в кино.

Ничего такого не было.

Женщина лет сорока — седая, с длинными, туго заплетёнными косами — подняла голову. Посмотрела на Витьку. И без всякого удивления **кивнула** ему на свободное место у костра. Мол, иди сюда. Просто. Как будто он вышел на минуту и вернулся.

Витька подошёл. Сел.

Никто не сказал ни слова. Никто не спросил, кто он и откуда. Как будто он **всегда тут был**. Как будто его тут **ждали** — но не по-особенному, а просто как ждут своего.

И вот тут Витька понял первую странную вещь.

Он **понималих**.

Не то чтобы они говорили. Они почти не говорили — то есть иногда кто-то что-то коротко бросал, и это было **словами**. Настоящими словами, не мычанием. Витька слышал эти слова и **знал**, что они значат. Как будто всегда знал. Как будто они были его собственные.

Он попробовал сказать сам — про себя, шёпотом:

— Привет.

Слово вышло гладко. Не на русском. На **их**. Но Витька услышал его так же ясно, как если бы сказал по-русски. И понял, что сказал. И понял, что сказал **правильно**.

Он сидел и дышал. В голове шумело. Он трогал браслет — тот был на руке, тёплый, и ничего не делал. Просто был. Потом Витька перевёл взгляд на костёр.

Огонь был небольшой. Не такой, как в кино, — не в человеческий рост. Маленький. Метра полтора. Плясал в кольце из камней. И у огня сидел **мальчик. Лет семи**. Сидел и **смотрел на огонь, не отрываясь**. И время от времени подкладывал в него сухие ветки.

И вот на этом мальчике — точнее, на том, что он делал, — Витька просто застрял. Смотрел. И не мог оторваться.

Вот мальчик подкладывает ветку. Ветка сухая, тонкая. Трещит. Загорается. Внутри огня — маленькие искры. Они летят вверх. Пропадают в темноте.

А потом ветка **прогорает**. И если мальчик не подложит новую — огонь начнёт падать. Станет меньше. И в конце концов — совсем **погаснет**.

Витька вдруг **очень ясно** понял: если это произойдёт — если огонь погаснет, — будет плохо. Не "неприятно". А **плохо по-настоящему**. Погаснет огонь — придёт холод. Придут звери. Ничего нельзя будет приготовить. Всё кончится.

Он смотрел, как мальчик подкладывает ветку за веткой, и не мог перестать думать об одном:

Кто-то ведь сделал это первым.

Кто-то — очень давно, ещё до всяких пирамид, до всяких царей, до всяких книг, — увидел, как от молнии загорелось дерево. И вместо того чтобы убежать, — **подошёл**. И взял уголёк. И принёс его **своим**. И подложил ветку.

Вот с этого всё началось. Не с великих битв. Не с великих имён. С **уголка, принесённого домой**. С маленького мальчика — а может, девочки, — который подкладывал ветки и следил, чтобы не погасло.

Витька хотел что-то сказать, но не сказал. Ночью это было не принято. Или он просто не знал что.

Он сидел у костра и смотрел.

Он сидел долго. Очень долго. Огонь грел ему лицо и грудь. Спина мёрзла. За спиной шумел лес. Где-то далеко кто-то — не человек, зверь, — ухнул в темноте. И все напряглись, но никто не встал. Потому что костёр горит, и это значит, что можно не вставать.

Витька почувствовал **кожей**, почему огонь — самое главное. Не умом. Не из книжки. **Кожей**. Потому что ночь — большая, а огонь — маленький. И вся человеческая жизнь, всё, что было потом, уместилось в этот пятачок тепла.

Он это понял — и заплакал.

Не громко. Просто **из глаз пошло**, само, без всякого горя. Он так не плакал давно. С тех пор, как, наверное, лет в шесть свалился с велосипеда и ушибся, и было так больно и так несправедливо, что слёзы шли сами.

Седая женщина сидела рядом. Она не смотрела на него. Она смотрела в огонь. И вдруг — не поворачиваясь — **положила руку ему на плечо**. Ненадолго. Просто. Как бабушки кладут руку, когда ты сидишь рядом и не знаешь, куда себя деть.

Витька вытер лицо рукавом. У него был рукав, оказывается. Из кожи. Он и не заметил. Потом он лёг.

Он не собирался. Просто устал. Тело стало тяжёлым, тёплым, как будто грелось снаружи и внутри. Он откинулся на шкуру — а шкура была прямо под ним, и он даже не заметил, оказывается, что сидит на шкуре, — и закрыл глаза.

Огонь трещал.

Он хотел ещё подумать о чём-нибудь важном. О том, где он и что с ним будет. О том, увидит ли он своих. О Петьке. О бабушке. О том, что — **а вдруг это навсегда** — уже произошло, но он сумел отогнать. Он хотел подумать ещё о чём-то очень важном, что только что понял, но оно всплыло и утонуло, потому что тепло костра пошло внутрь, и глаза закрылись, и Витька уснул.

Ему снился огонь. Он снился ему всю ночь: маленький, аккуратный, живой. Он подкладывал в него ветки и знал, что делает самое важное дело на свете.

Витька проснулся **у себя**.

В своей кровати. В своей комнате. В пижаме. Настольная лампа горела — значит, ночь ещё не кончилась. На стене висели те же вырезки. За окном стрекотал тот же сверчок.

Он лежал и смотрел в потолок.

Потом сел. Ощупал себя. Всё было на месте. Руки. Ноги. Лицо — мокрое. То есть он **всё ещё** был слегка мокрый от слёз. Значит... не сон?

Он вытянул руку и посмотрел на браслет.

Тридцать один квадратик. **Один нижний — зелёный**.

Немного света от лампы, немного ночи за окном — а квадратик был точно зелёный. Не красный. Не жёлтый. **Зелёный**. Совсем зелёный, как молодой лист на дереве в начале мая.

Витька долго смотрел на него.

Он думал: "Я был там". И тут же: "Как я вернулся?" И ещё: "Я не понимаю". И наконец, самое последнее и самое честное:

"Я хочу назад."

Не потому что там было весело. А потому что там было... как-то **важно**. Как будто он потерял что-то и точно знал: это можно найти только там. У костра, где маленький мальчик подкладывал ветки.

Витька лёг обратно. Накрылся с головой.

Он полежал так минуту. Потом высунул лицо из-под одеяла. Посмотрел на браслет ещё раз. Сосчитал зелёные. Один. Сосчитал красные. Тридцать. И понял, что сегодня утром — **к нему придёт Петька**. А ещё что бабушка будет жарить оладьи и не поймёт, почему у Витьки лицо такое, будто он всю ночь не спал.

Он закрыл глаза и попробовал уснуть. Не очень получалось. Из головы не шёл маленький мальчик у костра. Витька думал о нём и о том, что через сто лет — или через сколько там — никто из них не будет помнить этого мальчика. И никто не будет знать его имени. Может быть, у него и **имени-то не было**в нашем смысле.

И Витька подумал: "Наверное, я теперь один из немногих, кто **видел его**. И никогда никому не расскажет его имени, потому что его нет. Но я видел его. Он **был**. И огонь, который горит **сейчас у меня на кухне**, — это его огонь. Только очень-очень далёкий."

Он вздохнул, накрылся с головой и провалился в сон.

Глава 4. Ленка не верит

Ленка Круглова была умная.

Это надо сразу понимать, чтобы не подумать про неё плохого. Умная — значит, не просто хорошо учится. Она **думала**. Учителя её любили, но и слегка побаивались: потому что на любой урок она могла задать вопрос, на который учитель не сразу отвечал. В прошлом году она спросила у Галины Петровны, почему на карте Африка такая ровная с одной стороны. Галина Петровна ответила, что так повелось. Ленка сказала: "Это не ответ". Галина Петровна обиделась. Ленка извинилась. Но вопрос остался.

Витька Ленку знал с первого класса. Они не были друзьями — но и не были врагами. Бывают такие одноклассники: сидят далеко, разговаривают редко, но если что-то нужно — подойдёшь именно к нему, потому что знаешь: **этот не соврёт**.

Петька Ленку недолюбливал. Он говорил: "Она всё время спорит". Витька не спорил с Петькой, но внутри думал: "Она спорит, потому что думает". И это, если честно, было немножко симпатично.

Ленка приехала в деревню через четыре дня после Петькиного визита. Она была у бабушки, у которой был сад с вишнями, — в другом конце деревни, недалеко от Витьки. Витька

её иногда встречал на речке. Она плавала плохо, но упорно — заплывала недалеко и стояла в воде по плечи, глядя за реку. Один раз он спросил, чего она там высматривает. Она ответила: "Пытаюсь понять, где кончается". Витька не понял, что именно. Но переспрашивать не стал.

В тот день Ленка пришла сама. Просто так. Сказала, что бабушка послала её за солью, но Витька подозревал, что соль была только предлогом. Витька сидел во дворе на перевёрнутом ведре, смотрел на браслет и думал о мальчике у костра.

Ленка подошла к калитке.

— Снегирёв, — сказала она.

Она всегда называла его по фамилии. Не "Витька". Не "Снегирь". Просто "Снегирёв". Как будто держала дистанцию.

— Чего?

— У тебя лицо странное.

— У меня лицо обычное.

— Нет, — сказала Ленка, открывая калитку. — Раньше было обычное. А теперь **странное**. Как будто ты что-то знаешь и не говоришь.

Она подошла и села на нижнюю ступеньку крыльца. Как Петька несколько дней назад. Витька посмотрел на неё и вдруг понял: **если она пришла — значит, кто-то ей сказал**. А кто мог сказать? Только Петька.

— Ты от Петьки пришла, — сказал Витька.

Ленка не стала отпираться.

— Он сегодня рано утром забежал к бабушке, — сказала она. — Сказал, у тебя что-то случилось и чтоб я зашла. Что за случилось?

Витька молчал.

Он думал. Он думал про то, что в первый вечер он рассказал Петьке. Петька не смеялся — поверил сразу. И вот теперь Петька, не спросив, прислал **Ленку**. Значит, Петька сам решил, что Ленка должна знать. Вот такой он был, Петька: верил и делился. Не мог один держать.

И ещё Витька подумал: а **зачем** Ленка? Он этого не хотел. Ему Петьки было достаточно. Зачем третья?

Он и сам не понимал в тот момент, зачем. Он это поймёт много позже. А тогда — просто чувствовал, что **что-то в этом есть**. Не зря.

— Слушай, — сказал он. — Если расскажу, ты не будешь смеяться?

— Не буду.

— Обещаешь?

— Я тебе не Петька, — сказала Ленка. — Я обещаю только то, что могу сделать. Смеяться не буду. Это я могу.

Витька вздохнул.

Он рассказал.

Он рассказал ей всё — так же, как Петьке, только чуть короче. Сначала про поле: как вышел со скуки, как увидел свет, как присел, как его позвали. Потом — про троих. Как мужчина присел. Как женщина с ямочками дала браслет. Как свет сжался и ушёл в небо. Как потом не спалось. Как он ждал Петьку. Как рассказал Петьке. Как решил нажать вечером.

А потом — как нажал.

Он говорил долго. Он сам не ожидал, что так долго. Он рассказывал про поле. Про босые ноги. Про то, как почувствовал, что одежда не его. Про то, как седая женщина кивнула ему на место у костра. Про то, как он понял слова, которых никогда не слышал. Про мальчика у костра. Про ветки. Про то, как стало страшно, что огонь погаснет. Про то, как подумал: "Кто-то был первым". Про то, как заплакал — и не от горя, а от чего-то другого. Про то, как проснулся дома.

Ленка слушала, не перебивая.

Она не отводила глаз. И не кивала. И не хмурилась. Смотрела прямо в Витьку, чуть прищурясь. Как будто **взвешивала**.

Когда он замолчал, она сказала:

— Не сходится.

— Что не сходится?

— Многое. — Она загибала пальцы. — Первое: если они так далеко, почему они говорят по-настоящему? Как люди? Второе: почему они выбрали именно тебя? Ты не Пушкин. Третье: как ты понял язык? Четвёртое: если ты уснул там, как ты оказался дома? Пятое: почему квадрат зелёный, если ты не понял ещё ничего про первобытность? Ты не знаешь ни эпохи, ни названия. Ты даже не знаешь, **когда** это было.

Витька не успевал отвечать. Он и не собирался.

Ленка была права по каждому пункту. Он сам не понимал.

— Я не знаю, — сказал он честно. — Я не знаю ответов. Я только знаю, что **был там**.

— Покажи.

Витька задрал рукав.

Браслет был на месте. Тёплый. Металлический. Тридцать один квадратик. **Один зелёный, тридцать красных.**

Ленка придвинулась ближе. Наклонилась. Смотрела долго. Потом сказала:

— Это не часы.

— Нет.

— Это вообще ничего из того, что я видела.

— Нет.

— А почему он зелёный?

— Потому что я прошёл эту тему. Так они сказали — когда тема пройдена, квадрат становится зелёным.

— Пройдена кем?

— Мной.

— А как ты узнал, что прошёл?

— Он **сам** стал зелёным. Я вернулся — и всё.

Ленка выпрямилась. Откинулась на перила. Помолчала. И сказала:

— Ладно.

— Что "ладно"?

— Ладно — в том смысле, что я не знаю, что думать. Ты не похож на вруна. Петька — тоже. Но это... — она поискала слово и нашла, — **не может быть правдой**. Такие вещи не бывают.

— А что бывает?

— Всё обычное. — Она смотрела на него. — Тебя, наверное, кто-то разыграл. Или... — Она осеклась. — Нет. Так не разыгрывают. Так никто не умеет.

— Значит, ты веришь?

— Я не верю, — сказала Ленка. И тут же поправилась: — То есть я не **верю**. Но я и не **не верю**. Я не знаю. И меня это бесит.

Витька улыбнулся.

— Добро пожаловать в клуб.

— Не шути.

— Я не шучу.

Ленка встала.

— Ладно, — сказала она. — Значит так. Я не Петька. Я не буду говорить "верю" просто потому, что ты мне симпатичен. Я буду проверять.

— Как?

— Не знаю пока. — Она подумала. — Пока так: я буду **слушать**. Ты будешь рассказывать мне всё, что видел. А я буду искать, где ты **ошибся**. Если ошибок не будет — значит, я тоже... ну, в общем, посмотрим.

— Это честно, — сказал Витька.

— Это научно, — сказала Ленка.

И — что было самое удивительное — Витьке это **понравилось**. Ему понравилось, что Ленка не поверила сразу. Что она **требует доказательств**. Что она не готова принять чудо на слово. Это делало её **надёжной**. Если уж Ленка поверит — значит, всё правда.

— А Петька знает, что ты пришла?

— Нет, — сказала Ленка. — Я иду за солью.

— Тебе бабушка голову оторвёт.

— Не оторвёт. Бабушка у меня добрая. Она только делает вид, что строгая.

Витька хотел ещё что-то сказать. И вдруг Ленка — до того уже сделавшая шаг к калитке — **остановилась**. И обернулась. И посмотрела на браслет. И сказала тихо, совсем не тем голосом, которым говорила раньше:

— Снегирёв.

— Что?

— Ты сказал... что мальчик... **подкладывал ветки**.

— Да.

— А сколько ему было?

Витька задумался.

— Семь. Может, шесть. Меньше меня.

— А почему он **он**это делал? Почему не взрослый?

Витька не знал ответа. Он и не думал об этом.

— Не знаю, — сказал он. — Наверное, потому что маленькие могут то, что взрослым некогда...

Он сам не понял, что сказал. Слова вышли сами.

Ленка долго смотрела на него. Долго-долго.

— Ладно, — сказала она наконец. — Иди в дом, Снегирёв. Простудишься.

Она вышла за калитку и пошла по улице.

Витька смотрел ей вслед, пока она не скрылась за поворотом. И только потом понял, что произошло.

Ленка Круглова, которая не верила ни во что, **спросила про мальчика**. Не про инопланетян. Не про браслет. Не про то, как технически устроено время. А **про мальчика**. Про семилетнего, которого уже много тысяч лет нет.

И это было первое, что Витька заметил, и первое, что его поразило: **в этой истории Ленку зацепило не чудо. Её зацепил человек**.

Витька вернулся на крыльцо. Сел. Посмотрел на браслет.

Один зелёный. Тридцать красных.

Он подумал: "Через семь лет я должен буду рассказать им — кто мы такие". И тут же: "Я не знаю, кто мы такие. Но, кажется, я только что начал узнавать."

Светило солнце. Где-то во дворе у бабушки что-то делалось — она вышла, что-то сказала про олады, что-то спросила про Ленку. Витька отвечал не впад.

Он сидел и думал о **следующем квадрате**.

Тридцать красных ждали своего часа.

Глава 5. Охота

Витька открыл глаза — и сразу увидел дым.

Он стоял в лагере. Прямо посреди него. Между шалашами из жердей и шкур, между погасшими и ещё тлеющими кострами, в самой гуще первобытного утра. Он не появился из тумана, не вышел из леса, не проснулся в траве. Просто был здесь. Как будто шёл и пришёл.

Его никто не заметил. Но никто и не удивился.

Мимо прошёл мужчина с копьём, глянул скользом, кивнул — не Витьке, а сам себе, — и пошёл дальше. Женщина с ребёнком у бедра посмотрела в его сторону, не задержалась взглядом, отвернулась. Мальчишка лет восьми пробежал мимо, толкнул Витьку плечом, не обернулся.

Витька стоял и не двигался.

Пахло дымом, мясом, мокрой шкурой и землёй. Так пахло всё вокруг — просто землёй, много, густо, и Витька вдруг понял, что никогда раньше не слышал, как пахнет земля без асфальта и без травы на даче. Здесь всё было её. Дым выходил из неё, мясо лежало на ней, шкуры сохли над ней.

Он поднял руку и посмотрел на браслет.

Экран горел. Один квадрат зелёный. И второй — тусклый. Не красный. Не зелёный. Ждёт.

Значит — сегодня.

Витька не знал, откуда это знает. Но знал. Как будто кто-то сказал, а он услышал.

Лагерь готовился.

Не суетливо. Спокойно. Так, как готовятся к тому, что делают не каждый день, но делали уже много раз.

Мужчины — их было человек двадцать — шли к дальней стороне, где лежали копыя. Копья были длинные, с каменными наконечниками, перевязанные жилами. Мужчины брали их — каждый своё, не путаясь, потому что знал, где чьё. Один проверил наконечник ногтем. Другой подтянул ремень. Третий поднял копьё, взвесил, удовлетворённо кивнул.

Женщины не подходили. Они делали другое. Две складывали мясо в плетёные корзины — остатки от вчерашнего. Одна кормила малыша. Старуха сидела у костра и подправляла тлеющие угли палкой. Все были на своих местах. Никто не мешал друг другу.

Витька пошёл за мужчинами. Не потому, что решил. Просто пошёл. Никто его не останавливал.

На краю лагеря стоял мальчик.

Тот самый. Витька сразу его узнал. Тот, что подкладывал ветки у костра ночью. Тот, что плакал.

Он не пошёл со взрослыми. Он остался. Сидел на корточках у маленького костра и что-то делал с углями. Рядом лежала охапка сухих веток. Он разбирал их — сортировал — какие быстрее загорятся, какие дольше продержат огонь. Работал спокойно. Сосредоточенно.

Витька притормозил. Ему захотелось подойти. Но отряд уже уходил. И Витька пошёл дальше.

Шли долго.

Через лес, через редколесье, через луговину, мокрую от росы. Шли молча. Только переговаривались знаками — один поднимал руку, другой кивал, третий ускорялся. Слова почти не нужны были. Все знали, куда идут. Все знали, зачем.

Витька шёл в середине. Не впереди, не сзади. Как будто так и надо. Иногда кто-то из охотников оборачивался на него и кивал — коротко, по-свойски. Витька кивал в ответ. И это было правильно.

Он думал: «А если они спросят, кто я?» И тут же понял — не спросят. Не потому, что не заметят. Потому что не надо. Он был свой. Как копьё своё, как ветки свои, как угли свои. Просто свой.

Это было странно. И — легко.

Витька никогда не чувствовал себя так. Ни в школе, ни во дворе, ни на даче. Везде надо было **доказывать**. Что ты не **трус**. Что ты **умеешь** играть. Что ты **не хуже**. Здесь — не надо было **ничего**.

Здесь просто шли.

Зверь появился не сразу.

Сначала — **запах**. Густой, тёплый, звериный. Витька почувствовал его раньше, чем понял, что это **он**.

Потом — **звук**. Глубокое, тяжёлое **сопение**. Как будто **сама земля дышит**.

И только потом — **он сам**.

Мамонт.

Он был огромный. Такой огромный, что Витька не сразу понял, что это одно животное, а не кусок леса, вылезший из тумана. Он стоял между деревьями, медленно жевал траву, и его хобот — розовый, длинный, живой — двигался мягко, спокойно, неторопливо. Шерсть свисала клочьями. Бока вздымались. Глаз — маленький, тёмный — смотрел куда-то вдаль.

Витька замер.

Он видел мамонтов в книжках. В мультиках. В музее — скелет, огромный, страшный, костяной. Но это было совсем другое. Музейный мамонт не дышал. Этот — дышал. И от того, что он дышал, Витьке стало страшно.

Не «страшно, как в темноте». А по-настоящему. Вот такой страх, когда тело само понимает: это не еда. Это — гора. И мы сюда пришли, чтобы её убить.

Он оглянулся на охотников.

Они уже стояли на своих местах. Молча. Двое ушли вправо — Витька не заметил как. Трое — влево. Остальные присели в траве. Один — пожилой, с седой бородой — пошёл вперёд. Медленно. Прямо к мамонту.

Витька не понял. Что он делает? Зачем он идёт один?

Мамонт поднял голову. Посмотрел. Спокойно. Как на маленькую собаку, что лает вдалеке. Не испугался. Не разозлился. Просто смотрел.

Седой остановился. Поднял копьё. И крикнул.

Один раз. Резко. Так, что Витька дёрнулся.

И мамонт — дёрнулся тоже. Развернулся в его сторону. Тяжело, медленно, но развернулся. И пошёл на седого.

Дальше Витька не успевал думать.

Всё пошло сразу. Как будто кто-то отпустил пружину.

Мамонт шёл на седого. Тот побежал. Не слишком быстро — так, чтобы мамонт не отстал, но и не догнал. Витька не понимал, как он успевает — с копьём, с седой бородой, старый. Но успевал. Бежал и не спотыкался.

Справа выскочили двое. Закричали. Мамонт повернул в их сторону. Двое отступили. Ещё двое выскочили слева. Закричали. Мамонт повернул туда. И пошёл на них.

Тогда из-за деревьев — Витька не заметил когда они там оказались — выскочили сразу трое. С копьями. Прямо сбоку. И сразу стали метать.

Одно копьё пролетело и воткнулось в дерево. Второе — промахнулось. Третье — попало в бок. Мамонт рывкнул. Не как зверь. Как **что-то очень большое, что не хотело кричать, но пришлось».

Он развернулся и пошёл прямо на тех троих. Быстрее. Совсем не медленно. Земля затряслась. Трава пригибалась. Витьке показалось, что сейчас — вот сейчас — всё.

И тут один из троих — молодой, с длинными волосами — споткнулся. Упал. Копьё отлетело в сторону.

Мамонт **шёл прямо на него.**

Витька закричал.

Он сам не понял — как. Просто рот открылся, и звук вышел. Громко. Страшно. Как у — не у мальчика. У кого-то другого.

И — мамонт остановился.

На одну секунду. Может быть, на полсекунды. Но остановился. Повернул голову. В сторону Витьки.

И этой полсекунды хватило. Кто-то — седой, тот, что бежал впереди, — уже подскочил к молодому, схватил его за руку и выдернул. Из-под ног. Из-под мамонта. В сторону. Так, что тот покатился по траве.

Витька не успел выдохнуть.

Тот — лежал в траве. Седой — стоял рядом. Мамонт — снова развернулся к тем, кто метал копьё. И трое новых уже сновали — справа, слева, сзади. Кричали. Отвлекали. Держали его в кольце внимания.

А потом — ещё одно копьё. Потом — ещё одно. Потом — ещё.

Мамонт снова рывкнул. Тяжело. Долго. И стал оседать. Как башня, которой подрубили основание. Медленно. Тяжко. На бок. На траву.

Он умирал не сразу. Витька видел это, и хотел было отвернуться, но не отвернулся. Что-то держало. Не любопытство. Что-то другое. Как будто если он отвернётся, то всё это — окажется неправдой. А это было правдой. Это надо было видеть. Он не имел права не видеть.

Мамонт вздохнул. Один раз. Глубоко. И перестал дышать.

Стало тихо.

Слышно было, как ветер шуршит в траве. Как кто-то — не Витька — сморкнулся. Как муха уже жужжит где-то над боком мамонта.

Охотники стояли вокруг. Молча. Никто не кричал. Никто не смеялся. Никто не бросался к зверю. Все стояли и смотрели.

Седой подошёл. Тронул мамонта за хобот. Опустил голову. Постоял. Потом сказал что-то — тихо, коротко. Витька не понял слов. Но понял смысл.

Это было «спасибо». И это было «прости». Оба — одновременно.

Потом — всё пришло в движение. Сразу. Быстро. Охотники доставали ножи. Начали свежевать. Работали слаженно — как будто делали это сто раз. Кто-то подтаскивал камни. Кто-то разводил маленький костёр. Кто-то перевязывал молодому руку — порезался, когда падал.

Витька не участвовал. Он стоял в стороне. И вдруг понял, что никто его не зовёт. Не потому, что чужой. А потому, что у него нет копья. И ножа нет. И дела у него тут нет.

Это было странно. Не обидно. Просто странно. Он был свой, но без дела. И от этого было немного пусто.

Шли обратно долго.

Мясо несли на жердях. Связали два длинных шеста, положили куски, и двое несли спереди, двое сзади. Менялись по очереди. Шли медленнее, чем утром. Устали. Но шли ровно. Не торопились.

Витька шёл в конце. Теперь — в конце. Просто потому, что спешить было некуда.

Он думал о мамонте. Он видел смерть раньше — у бабушки умер кот. Но то было тихо. Это было громко. То было дома. Это было при всех. И всё-таки — было одно и то же. Живое стало мёртвым. И ничего нельзя было с этим сделать.

Он думал о седом. О том, как тот пошёл вперёд — один — и крикнул. Ему было страшно. Витька видел это. Но он всё равно пошёл. Не потому, что смелый. А потому, что надо.

И он думал о том мальчике — который упал и чуть не умер. И о том, что если бы не Витька закричал — может быть, тот бы и умер. А может быть — и нет. Витька не знал. И не хотел знать. Он просто знал, что закричал. И что это сработало.

Правильно это было или нет — он не знал. Но было — так.

В лагере их увидели издалека.

Женщины вышли навстречу. Не бежали. Шли. Спокойно. Как к своим, которые возвращаются. А потом — всё-таки побежали. Не все. Сначала одна. Потом другая. Потом — старуха с палкой. Потом — мальчишки.

Витька понял: они не бежали к мясу. Они бежали к своим. Чтобы увидеть — жив. Все. Своими глазами.

Он нашёл мальчика у костра.

Мальчик не бежал. Он сидел у того же маленького костра и смотрел на встречающих. У него были зелёные глаза. И у него был тот же огонь — тот же, который он подкладывал ночью, который держал всю ночь, чтобы люди шли и вернулись.

Он не пошёл на охоту. Он остался. Потому что его дело — другое. И это — тоже охота. Только без копья. Только без бега. Тихая. Огонь не убьёт мамонта. Но без огня — никто не вернётся живым.

Витька понял это — и остановился.

Стоял и смотрел на мальчика. Долго. Мальчик не смотрел на него. Просто сидел. И держал огонь.

Тогда Витька подошёл. Сел рядом. Рядом с костром. Не рядом с мальчиком — рядом с огнём. Как свой.

Мальчик посмотрел на него. Один раз. Коротко. Витька — посмотрел в ответ.

И мальчик — подвинулся. Чуть-чуть. На полшага.

Чтобы Витька тоже мог протянуть руки к огню.

Браслет мигнул.

Витька почувствовал — тепло. Не обжигающее. А такое, как от огня, когда протягиваешь ладони. Второй квадрат — стал зелёным.

Два зелёных. Двадцать девять красных.

Он вернулся.

Домашняя веранда. Вечер. Тихий. Летний. На столе — кружка с молоком, которую мама оставила и забыла. Пискнул комарик над ухом.

Витька сидел не двигаясь. Руки были холодные. Лицо — тёплое. Как будто он их только что — отнял от огня.

Он закрыл глаза.

И слышал — голос седого. Как тот сказал что-то тихо мамонту. И голос мальчика. Как тот сидел и молчал. И своё — своё «а-а-а» — тот крик, от которого мамонт остановился.

Он открыл глаза.

Пошёл в дом. Тихо. Мама спала. Он прошёл мимо её двери. Осторожно.

В саду, на яблоне, сидел кот. Соседский. Он уставился на Витьку зелёными глазами. И Витька улыбнулся.

Он уже знал, что завтра — нет. Ещё одно путешествие — потом. Когда квадрат загорится.

А сейчас — спать.

Он лёг. Закрыл глаза.

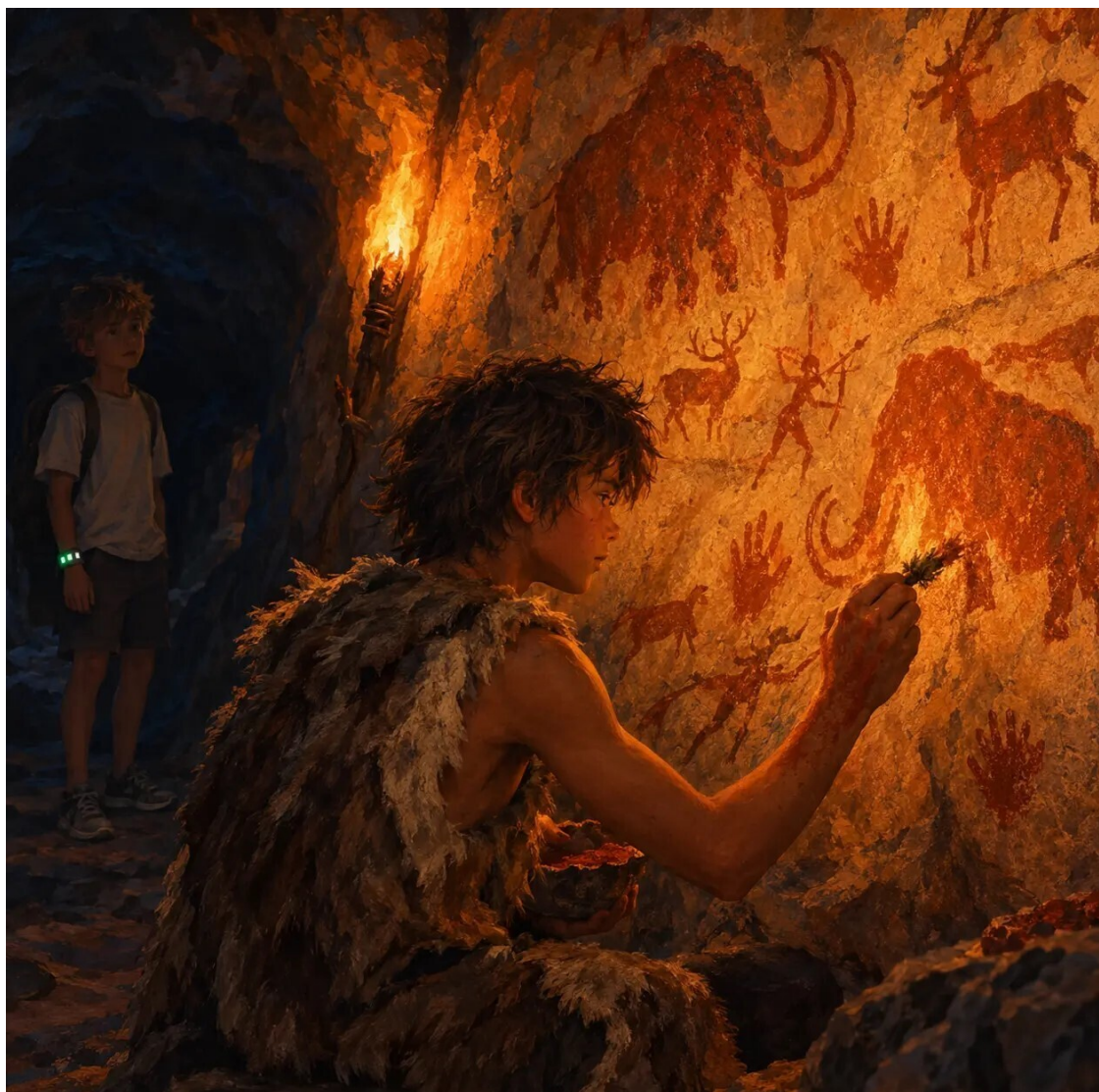
И перед тем, как уснуть, подумал:

«У каждого — своё дело. Без меня — не будет копья. Без него — не будет огня. Без огня — не вернутся. Без них — не будет мяса. Без мамонта — не будет ничего».

Это было неправильно. Не так, как учат в школе.

Это было правильно на самом деле.

Глава 6. Стена

Витька понял, что браслет ждёт, вечером.

Он уже знал, как это бывает. Сначала квадрат тускнеет. Не гаснет, не краснеет — просто становится как мокрое стекло. Потом, если приглядеться, внутри начинает что-то медленно двигаться. Как облако в бутылке. И тогда становится ясно: скоро.

Витька сидел на веранде. Было ещё светло. Мама копалась в саду, бабушка гремела кастрюлями на кухне, где-то в доме бормотал телевизор. Обычный вечер. Тот самый вечер, каких у всех тысячи.

А у Витьки на руке медленно просыпался третий квадрат.

Он подумал: а если не пойти? Что будет? Квадрат погаснет? Останется тусклым навсегда? Или просто будет ждать — как ждёт автобус, на который ты не сел?

Он не знал. И не мог узнать, не попробовав. А попробовать значило — не пойти. А не пойти он не мог. Он уже знал это про себя, спокойно и без всякого пафоса, как знают, что утром надо вставать в школу. Просто так.

Он спустился с веранды, сказал маме, что погуляет, мама кивнула, не отрываясь от грядки, и Витька вышел за калитку.

Квадрат уже светился. Не зелёным, не красным. Просто светился. Как будто внутри него был маленький огонёк, который ещё не решил, гореть ему или нет.

Витька приложил палец.

И мир вывернулся.

Он стоял у входа в пещеру.

Не в лагере, не в поле, не среди людей. Прямо у тёмного, расширяющегося к небу входа, из которого тянуло холодом и землёй. У входа горел костёр. Небольшой, аккуратный. Возле костра сидела женщина. Немолодая. С двумя тонкими палочками в руках — она что-то ими делала, но Витька не сразу понял, что.

Женщина подняла глаза, посмотрела на него, кивнула. И вернулась к своему делу.

Витька не удивился. И не удивился тому, что не удивился. Правила были простые: его видят, его принимают, вопросов не задают. Он давно перестал этому поражаться. Теперь это было как дышать — заметно только когда воздуха нет.

Он подошёл ближе. И увидел, что женщина делала.

Она плела корзину. Из тонких корней, распаренных в воде. Пальцы двигались быстро, точно, не задумываясь, — как будто руки знали нужный путь лучше головы. И рядом с ней, на земле, лежали уже три готовые корзины. Одна глубже, другая поуже, третья — круглая, как гнездо.

Витька сел на корточки и стал смотреть. Молча.

Женщина не обращала на него внимания. Не потому, что не замечала. Просто не мешала.

Время шло. Витька смотрел, как из-под её рук вылезает — именно вылезает, как живое, — четвёртая корзина. И постепенно у него в голове начинало стучать одно и то же слово: умеет. Ещё один человек. Ещё одно умение. Ещё одно дело.

Он вспомнил мальчика у костра. Вспомнил седого, который пошёл на мамонта. Вспомнил охотников с копьями. Все они что-то умели. А эта женщина умела плести. И от этого в племени становилось больше корзин. Значит, больше можно унести. Значит, больше можно запасти. Значит...

Витька не додумал. Потому что плетение кончилось.

Женщина подняла корзину, осмотрела её, повернула в руках, кивнула себе под нос — мол, годится — и отложила к остальным. Потом посмотрела на Витьку.

Долго, внимательно, без враждебности. И тут же — как будто прочитав что-то на его лице — махнула рукой в сторону входа в пещеру.

Иди, мол. Смотри.

Витька поднялся.

Внутри было темно. Не сразу, не полностью — свет от костра немного заходил следом за ним, но быстро растворялся в глубине. Витька шёл осторожно, выставив одну руку, чтобы не наткнуться на стену. Стена оказалась ближе, чем он думал. Тёплая. Шершавая. С какими-то бугорками.

Он двинулся вдоль неё, ощупывая ладонью. Под пальцами были выпуклости, впадины, борозды. Он не понимал, что это, и шёл дальше.

А потом услышал голоса. Приглушённые, негромкие. Откуда-то из глубины.

Он пошёл на голос.

И вышел в небольшой зал. Здесь было светлее — горел факел, воткнутый в расщелину стены. И у дальней стены, освещённые этим жёлтым дрожащим светом, стояли трое. Двое взрослых и мальчик. Один из взрослых держал в руке что-то маленькое. Другой просто смотрел. А мальчик — мальчик стоял на коленях перед стеной и что-то делал руками.

Приглядевшись, Витька понял: мальчик рисовал.

Он набирал пальцами из небольшой плоскости что-то мягкое, сырое, тёмное — землю, глину, сажу, кто знает — и проводил линию по стене. Потом ещё одну. Потом ставил точку.

Потом ещё. Он не торопился. Он работал так, как работают те, кому не надо никуда успевать, потому что до них здесь стена стояла и после них стоять будет.

Витька подошёл ближе. И — остановился.

На стене были звери.

Олени. Мамонты. Бык. Кто-то, похожий разом на птицу и на человека, но не птица и не человек. Они бежали, стояли, смотрели. Они не были нарисованы точно, как в учебнике биологии. Они были нарисованы так, как будто тот, кто рисовал, видел их не глазами, а всем собой.

Витька стоял и смотрел.

Он вдруг подумал: а ведь это была не картинка. Не украшение. Это было письмо. Не ему. Никому конкретно. Просто оставленное. Для тех, кто придёт потом. Для тех, кто будет смотреть, как он сейчас.

Он стоял в пещере, на стене — звери, а где-то в другой пещере, в другой стране, через тысячи и тысячи лет, тоже будут стоять и смотреть люди, и не поймут ни слова из того, что здесь было сказано, но поймут главное. Потому что главное можно понять без слов.

Мальчик у стены всё ещё работал. Он добавил охру — красную, тёплую, жирную. Один рог мамонта на стене стал коричнево-рыжим. Мальчик откинулся, посмотрел критически, решил, что ещё рано, и снова наклонился к стене.

Взрослый, который держал что-то в руке, наконец поднял это что-то, и Витька увидел маленький каменный светильник. Кусок камня с выдолбленным углублением, а в углублении — тлеющий жгут. Жир горит долго. Значит, света хватит. Значит, можно работать. Значит, снова — дело.

Витька отвернулся. И пошёл к выходу.

На выходе женщина всё ещё плела. Теперь уже пятую корзину. Не глядя на него, она кивнула — как кивают своим, которые уходят и вернутся.

Витька кивнул в ответ. И шагнул в темноту у входа.

Вернулся он на веранду.

Солнце почти село. В воздухе висели мошки. Мама уже стояла у крыльца и смотрела в сторону улицы, ждала.

Витька взглянул на браслет. Третий квадрат — зелёный. Три зелёных, двадцать восемь красных.

Мама сказала: «Гуляешь, гуляешь... ужинать пора».

Витька сказал: «Иду».

Он прошёл через двор, тёплый, вечерний, выложенный мягкой пылью. На крыльце стояла та самая корзина — бабушкина, старая, с отвалившейся ручкой. Витька посмотрел на неё и вдруг в первый раз в жизни задумался: а кто её сделал?

Кто-то же сделал. Не завод. Человек. Держал в руках те самые тонкие корни, гнул их, распаривал, плёл. Может, и не бабушка. Может, ещё до неё. Может, ещё до того, как эту деревню вообще придумали.

Витька поднялся по ступенькам, сел за стол. Бабушка поставила перед ним тарелку. Он поел. Молча.

А потом, когда ложился спать, вспомнил не мамонта, не седого, не крик. Он вспомнил мальчика у стены. Как тот работал. Медленно, уверенно, не оглядываясь. Как будто за ним — весь мир. И подумал: тот мальчик рисовал не для своих. Тот мальчик рисовал для тех, кто ещё не родился.

Витька натянул одеяло до подбородка. Свернулся калачиком.

И тут пришла мысль. Простая и странная.

Он не знал, для кого закричал на мамонта. Не знал, для кого теперь будет жить дальше. Но что-то в этом было — как у мальчика у стены. Что-то, что надо было делать. Не потому, что заставят. А потому, что иначе — никак.

Он уснул.

И ему не снилось ничего.

Глава 7. Зерно

На этот раз браслет загорелся утром.

Витька проснулся, потянулся, посмотрел на руку — и четвёртый квадрат уже светился. Не тускло, не наполовину. Ясно. Зовуще.

Он лежал и думал: а можно ведь не сразу. Можно позавтракать. Можно умыться, одеться, доест кашу. Можно потянуть время.

Он полежал ещё минуту. Потом встал, оделся и вышел во двор.

Никто его не видел. Бабушка гремела на кухне, мама ещё спала, а может, уже ушла куда-то. Витька сел на лавочку, вытянул руку и приложил палец к квадрату.

И двор исчез.

Он стоял на поле.

Не на лугу, не на поляне — на поле. Ровном, большом, покрытом невысокими зелёными ростками. Ростки были тонкие, слабые, ещё не окрепшие. Ветер ходил по ним волнами, и волны уходили к горизонту и там пропадали.

Таких полей Витька не видел никогда. Дачные грядки — это одно. А тут — не грядка. Тут — целое море. Только не воды, а зелени, низкой, шелестящей, живой.

Он прошёл шагов двадцать и увидел женщину.

Женщина стояла на коленях. В руках у неё была маленькая плетёная сумка, а в сумке — зерно. Она взглянула на Витьку, кивнула — как кивают своим, — и снова опустила глаза долу.

А потом разжала руку.

Зерно высыпалось тонкой струйкой, легко, будто песок. Женщина подождала секунду, посмотрела на землю, где легли зёрна, и двинулась дальше. Через два шага — снова разжала. Снова посыпалось. Она шла по полю медленно, будто отмеряла шагами что-то вроде расстояния, чего Витька и сам бы не смог назвать.

Он чуть не сказал вслух: «Так же нельзя, это же надо в землю». И осекся.

Потому что вдруг понял: она и бросает. Она не теряет зерно. Она его отдаёт.

Раньше зерно было едой. Нашли колосья — съели. Всё просто, как с мамонтом. А здесь женщина брала зерно, которое можно было съесть сегодня, и отдавала его земле. Чтобы земля вернула — потом. Через месяц или больше. Чтобы зерна было много. Чтобы было не «найти», а «прийти и взять».

Витька стоял и смотрел на эту тонкую струйку, которая падала в землю. И думал: вот оно. Первое. Первое, что человек не нашёл. Первое, что человек сделал. Из ничего. Из земли, зерна и своего решения.

Женщина выпрямилась и пошла к краю поля. Витька пошёл следом.

Дальше, у самой кромки, стояла группа людей. Небольшая. Восемь-девять. В основном — женщины, несколько стариков, пара детей.

И между ними — костёр, котёл, и вокруг него — глина.

Мокрые комья. Целые кучи. И рядом — уже готовые вещи. Горшки. Много горшков. Круглые, пузатые, с широкими горлами. Одни уже обожжённые, тёмно-бурые, стоят остывают. Другие — свежие, серые, ещё не знали огня.

Одна из женщин лепила. Её руки были по локоть в глине. Она брала ком, катала в ладонях длинную колбаску, гнула её, пристраивала к другой, разглаживала мокрым пальцем. На стенках горшка оставались следы. Она их затирала — медленно, круговыми движениями, — и горшок становился гладким.

Витька подошёл ближе.

Он смотрел на её руки. И на мгновение всё это показалось ему похожим на то, как он сам когда-то лепил из пластилина — в детском саду. Корявые фигурки, кривые чашки. Только там был пластилин, которого можно купить. А тут — не купить.

Тут во всём мире не было ни одного горшка. И глины не было как материала. Глина была — просто земля. Мокрая земля под ногами.

А теперь женщина брала эту землю и делала из неё вещь, которой раньше не существовало.

Она подняла глаза, посмотрела на Витьку. Не сказала ничего. Просто пододвинула к нему комок глины. Мокрый, серый, чуть тёплый.

Витька взял.

Глина была мягкая. Слишком мягкая. Пальцы утопили в ней, как в тесте. Он попытался скатать шар — не получилось. Попробовал сделать чашку — расплзлась. Со второй попытки вышло что-то вроде маленькой тарелки. Кривой, неровной, с тонким краем и большим комом в середине.

Женщина посмотрела на его работу, серьёзно и без улыбки. Потом взяла его тарелку, отщипнула лишнее, разгладила, поправила. Отдала обратно.

И теперь у Витьки в руках было что-то настоящее.

Он держал. Не знал, куда это девать, что делать, сказать не мог ничего. Просто держал на ладони. Мокрое. Тёплое. Сделанное его руками.

И тут же, сбоку, что-то ткнулось ему в бедро.

Витька обернулся.

Коза.

Коза стояла у его ноги и жевала что-то у него в кармане. Витька глянул вниз — ничего у него в кармане не было, но коза жевала уверенно, будто ела уже долго. Коза была маленькая, с короткой шерстью, с двумя мягкими рожками. На шее у неё висела верёвочка, другой конец которой был привязан к колышку. Но колышек она вытащила из земли и теперь стояла рядом с Витькой, как будто так и надо.

Она посмотрела на Витьку. Спокойно. И продолжала жевать.

Это было не то, что «приручили». Это не было похоже на то, что кто-то её звал. Коза сама пришла, сама осталась и теперь стояла у ноги Витьки, как будто всю жизнь здесь. Первое живое существо рядом с человеком, которое не убегает и не кусается. Просто стоит и жуёт.

Он погладил её между рожками. Шерсть была жёсткая, тёплая. Коза мотнула головой, но не ушла.

Витька остался на краю поля. Коза легла у его ног, положила голову на передние копытца и, кажется, задремала.

Он смотрел, как женщины лепят. Как старик выравнивает край горшка гладким камнем. Как одна из женщин унесла свежие горшки к костру. Как другая разложила их на солнце — пусть подсохнут.

И постепенно всё это складывалось у него в голове в одно слово, короткое и, как ему показалось, очень верное: оставляют.

Раньше этого слова не было. Все просто брали. Взял огонь. Взял мамонта. Взял рисунок на стене. А теперь люди начали оставлять. Оставляют зерно в землю. Оставляют глину в огонь. Оставляют детёныша при себе. И знают, что придёт время — и вернётся. Не всё. Что-то вернётся не так, как ждали. Но вернётся.

Витька тихо встал, чтобы не разбудить козу.

Она тут же проснулась и посмотрела на него. Вставать не стала. Так и осталась лежать.

Он пошёл вдоль поля к тому месту, откуда начал. Туда, где стоял при входе. Никто его не окликнул. Никто не спросил, куда он.

Просто ушли и оставили.

Браслет мигнул на его руке.

Двор встретил его тем же утром, тем же солнцем, той же лавочкой.

Четвёртый квадрат — зелёный. Четыре зелёных, двадцать семь красных.

Витька посидел немного на лавке. Руки у него были чистые — но помнили, что были в глине. Тёплые и мягкие. Как тесто под ладонями.

Он вошёл в дом. Бабушка как раз лепила пирожки. Тесто стояло в большой миске, миска — на столе. Бабушка доставала кусок, катала в пальцах, расплющивала, клала начинку, защипывала край. Всё то же самое. Один в один. Как та женщина на краю поля.

Витька сел на табурет рядом и стал смотреть.

Бабушка сказала:

— Чего сидишь? Помог бы.

Витька вымыл руки, взял кусок теста. И начал делать пирожок.

Получилось криво. Край с одной стороны защипнулся, с другой — разошёлся. Витька попробовал ещё раз. Опять криво.

Бабушка посмотрела на его работу и сказала:

— Ничего. Дойдёт.

Витька кивнул. И продолжил лепить.

И думал: люди не изменились. Руки не изменились. Просто одни придумали лепить, а другие — теперь просто лепят.

Тысячи лет прошли.

А руки — те же.

Глава 8. Голос

Браслет позвал ночью.

Витька проснулся от того, что рука стала тёплой. Он лежал в темноте, смотрел в потолок и слушал, как в соседней комнате ровно дышит мама. На руке светился пятый квадрат.

Ночью уходить было непривычно. Всегда — днём, утром или вечером. А тут — глубокая ночь, весь дом спит, весь мир спит. Витька полежал немного, потом тихо встал, натянул футболку, сунул ноги в кроссовки. Скрипнула половица. Он замер. Никто не проснулся.

Вышел на веранду. Ночь была тёплая, звёздная. Где-то далеко, у соседей, тявкнула собака — и умолкла.

Витька сел на ступеньку и приложил палец к квадрату.

Он стоял у костра. Большого.

Такого большого Витька ещё не видел. Огонь поднимался выше его, выше двух и трёх таких, как он. Костёр был окружён камнями, а вокруг — сидели люди. Много людей. Больше, чем в прошлые разы. Поближе — взрослые мужчины. За ними — женщины. По краям — дети и старики.

Была ночь. Такая же, как дома. Звёзды, темнота, только здесь огонь был не фонарь и не электричество. Здесь он был единственным светом на весь мир.

Никто не разговаривал.

Потому что говорил один.

Он стоял перед костром, спиной к огню, лицом ко всем. Высокий. Не молодой, но и не старый. На голове у него было что-то вроде ленты — тонкий ремешок, пошитый красными нитками. На груди — костяной амулет. В руке — длинный посох с пучком птичьих перьев.

Он говорил.

Витька не понимал слов. Совсем не понимал. Звуки были незнакомые, тягучие, будто пришли из сна. Но не понять слова — не значит не понять смысла. Витька стоял и смотрел.

Человек говорил ровно. Он не кричал, не размахивал руками, не старался быть ярче. Он просто говорил — медленно, размеренно, как будто слова шли не от него, а сквозь него. И люди слушали.

Все слушали.

Никто не смотрел в огонь, хотя огонь был огромный. Все смотрели на него.

Когда он замолкал, чтобы подышать — тишина стояла такая, что было слышно, как потрескивают дрова. А когда он продолжал, никто не шевелился и не шёпотом переговаривался, как это бывает всегда, когда говорит кто-то один, а остальные ждут не дождутся, когда можно будет отвернуться.

Никто не ждал. Все смотрели.

Посох висел в руке. Перья покачивались от сухого жара. Амулет поблёскивал белым по чёрному. Он говорил. Долго. Так долго, что Витька перестал понимать, сколько времени. Он стоял и слушал.

Потом человек поднял руку, и все — сразу, как по знаку — подняли головы. Он опустил руку, и все опустили. Простое движение. И все, как один, его повторили.

Витька тоже посмотрел наверх. Опустил.

И этот человек снова заговорил. И только теперь Витька понял, что тот говорил не от себя. Он говорил от кого-то другого. Голосом, который не был его собственным.

Витька отвернулся. Потому что смотреть было тяжело. И тут — рядом с собой, в темноте за спинами женщин — он увидел другого человека.

Тот сидел отдельно от всех. На камне. Один. Не смотрел в огонь. Смотрел в землю.

Он был старый. Совсем. С белой бородой и с руками в крупных жилах. Вокруг него никого не было. Вокруг него был пустой круг темноты, будто там стояла стена.

Витька ещё раз посмотрел на костёр.

Теперь он видел, как всё устроено. У костра — говоривший. От него — как будто лучи. Поближе — сидели те, кто в племени делал важное: седой охотник с охоты, та женщина, что лепила горшки, отец мальчика, что упал тогда у мамонта. Дальше — все остальные. А в самом конце, за всеми, в темноте — старик.

Все люди у костра были детьми одного огня. А старик был где-то вовсе.

Витька смотрел на него долго. Один раз старик поднял голову. Нашёл глазами Витьку. Посмотрел. И — отвернулся. И это было не «отвернулся», а как будто не было никакого Витьки, а был тёплый ветер, мимо которого ты прошёл и не заметил.

Витька подумал: а ведь он тоже знает. Больше всех, может быть, знает. Только его никто не слушает.

Он подумал это — и сам себе не поверил. Откуда он мог знать, кто больше знает? Может, старик вовсе и не знает ничего. Может, он сам виноват, что сидит один, и это его собственная вина, а не беда.

Но Витьке почему-то было его жалко. Хотя он и понимал, что не имеет права жалеть. Никого не имеют права жалеть, если не спрашивают. А его не спрашивали.

Он просто отошёл и сел недалеко от костра — в тени, между детьми и стариком. Никто не обратил внимания.

Говоривший закончил.

По племени прошло движение. Люди встали, кто-то пошёл за мясом, кто-то подкинул дров, женщины заторопились к котлам. Стало шумно, обычно. Теперь можно было и переговариваться.

Седой охотник с прошлого раза — Витька узнал его по бороде — подошёл к говорившему. Они перекинулись двумя фразами. Тот кивнул. Седой кивнул в ответ. И отошёл. Всё.

Двое мужчин подтащили к говорившему большой кусок мяса, самый лучший, отдельно от других. Положили на камень перед ним. Отошли. Он не сказал ни слова. Просто взял и откусил.

Витька смотрел на этот кусок. Он видел такие раньше. Хорошие куски давали детям и женщинам с младенцами. А тут — одному человеку.

И ещё он видел, как к нему подошла женщина. Не молодая, но красивая. С двумя чашами. Одну — ему. Одну — себе. И села рядом.

Никто больше с ним так не садился. У всех — свои семьи, свои места. А тут — отдельно.

Витька смотрел и постепенно понимал: этот человек не просто говорит громче. Он ест лучше. К нему подсаживаются. К нему подходят первыми. И он решает. Не когда спрашивают. Просто решает. Потому что так уже устроено.

А старик у края — не решает ничего.

Это было странно. Ещё с утра в Витькином понимании все в племени были друг другу равны. Мальчик у костра — как охотник. Женщина с корзиной — как седой. Все делали своё, и все были нужны. А тут — нет.

Тут один — впереди. Другой — позади. Третий — и вовсе в стороне. И это тоже существует. Тоже — часть жизни.

Он не знал, хорошо это или плохо. Просто видел. Просто — было так.

Витька встал и обошёл костёр с другой стороны. Не потому, что хотел поближе к огню или подальше от него. Просто так.

Он шёл и смотрел. И видел: племя не злое. Племя спокойное. Люди смеются. Дети бегают. Собаки — уже не козы, а вот эти вот — вертятся у ног и выпрашивают. Кто-то играет на костяной дудочке. Кто-то поёт тихо.

И только двое — говоривший и старик — как будто не вместе со всеми. Один — слишком в центре. Другой — слишком с краю.

А между ними — весь остальной народ. Просто живёт.

Витька подумал: а я где? И не нашёл ответа.

Браслет мигнул у него на руке. Пятый квадрат становился зелёным.

Перед тем, как пропасть, Витька ещё раз посмотрел на говорившего. Тот сидел у огня, ел мясо, и вокруг него было много людей. Люди помогали ему, разговаривали, смеялись. Он был в центре.

А старик всё так же сидел на своём камне в темноте.

Никто к нему не подходил.

Никто.

Ночной веранды уже не было — Витька снова был в постели. Тихо, мягко, под одеялом. За окном темно. Часы на стене показывали четыре утра.

Пятый квадрат был зелёным. Пять зелёных, двадцать шесть красных.

Витька лежал и думал. Не про инопланетян, не про путешествия. Про то, что только что видел.

Раньше ему казалось, что «главный» — это тот, кто самый сильный. Потом — что тот, кто самый смелый. А сейчас он понял: главный — тот, кого слушают. Не потому, что он громче. Не

потому, что он старше. А потому, что как-то само собой получается: все повернулись к нему, все пошли за ним, все дали ему лучший кусок.

И старик с краю — он тоже что-то знал. Наверное, много. Но его не слушали. Может быть, потому, что он не хотел говорить. А может, потому, что говорить надо уметь. Не просто знать. А так, чтобы тебя слышали.

Витька лежал и думал: а я бы хотел быть как тот, у костра, или как тот, что на камне?

И не знал.

Он не знал ещё очень многого. Наверное, поэтому у него и было двадцать шесть квадратов впереди.

Он закрыл глаза. И уснул быстро, без снов.

Глава 9. Колесо

Шестой квадрат загорелся в субботу утром, когда Витька чистил зубы.

Он стоял у зеркала, во рту была щётка, и вдруг почувствовал тепло на левой руке. Посмотрел — квадрат светился. Явно, ясно, зовуще. Шестой. Последний из тех, про которые он знал, что это ещё не конец.

Он дополоскал рот, умылся, вытер лицо. Стоял и смотрел на браслет. Знал: сейчас. Не когда-нибудь. Сейчас.

Он вышел во двор, сел на ту же лавочку, где всегда. Долго не решался приложить палец. Потому что чувствовал: это не как раньше.

Не потому, что будет страшно. А потому, что что-то изменится. Не в племени. В нём самом.

Он приложил палец.

Он стоял возле кучи дерева.

Небольшой, аккуратной, — жерди, обрубки, сучья. Рядом сидели двое мужчин. Один — с каменным топором, другой — с чем-то вроде костяного резца. На земле между ними лежали

три круглых, тщательно обтёсанных диска. Плоских, с дыркой посередине. И две длинные следи.

Витька сразу понял: это не готовое. Это то, из чего будет сделано.

Мужчины не обратили на него внимания — как всегда. Увидели, кивнули, продолжили. Один поднял обрубок, посмотрел его на свет — не на солнце, а просто так, к глазам. Покрутил в руке, отбросил. Взял другой. Покачал в пальцах. Этот подошёл. Он лежал лучше. Ровнее.

Витька подошёл ближе и сел на землю, не спрашивая.

Он смотрел, как они работают.

Работа была скучная. Правда скучная. Не охота, не огонь, не пляска у костра. Просто один обрубок за другим. Один камень за другим. Одно движение — и оно повторяется. И повторяется. И снова. Простое, тупое, долгое.

Витька зевнул. Потом ещё раз. Ему стало стыдно, но ничего с собой поделывать он не мог.

Мужчина с резцом обтёсывал край диска. Медленно, аккуратно, снимая тонкие полоски древесины. Витька смотрел и не понимал, зачем это всё. Диски, следи, верёвки, дырки. Ничего не понятно.

Потом один из мужчин взял палку. Толстую, ровную. И начал вставлять в дырку одного диска. Диск застрял. Мужчина постучал по нему камнем — зашёл. С трудом. Потом взял второй диск. Насадил с другой стороны. И — вот — получилась ось. С двумя круглыми штуками по краям.

Витька смотрел на эту штуку и всё ещё не понимал. Круглая. Палка. Что это вообще такое? К чему?

Мужчина положил эту штуку на землю и толкнул.

Штука поехала.

Витька вытаращил глаза.

Мужчина толкнул ещё раз. Сильнее. Штука покатила быстрее. Он бежал за ней, догнал, остановил.

И тут дошло.

Витька вскочил.

Он вдруг увидел всё. Не отдельно диск, не отдельно палку. Всё вместе. Два диска на оси — это не диск и не ось. Это — вещь. Совсем другая вещь. Вещь, которая катится. Сама. И на неё можно положить что-то. Много. Тяжёлое. И она поедет. Потому что она круглая.

Он стоял и смотрел на эти два диска, насаженные на палку, как на чудо.

А мужчины уже несли следи. Прилаживали к оси. Привязывали верёвками. Сверху клали жерди. И вот — это уже не диски с палкой. Это — волокуша. С колёсами. Транспорт. Изобретение.

Он вспомнил: мамонта несли на жердях. Двое спереди, двое сзади. Устали. Менялись. А если бы вот это? Положили — и повезли. И всё. Не надо меняться. Не надо уставать. Само катится.

То же самое с брёвнами, с корзинами, с чем угодно. Положи — и кати. Это же совсем другое дело. Это же не «удобнее». Это — изменилось всё.

Витька сидел на земле и смотрел на повозку.

Ему стало понятно что-то, чему он и сам не мог придумать названия. Одна вещь. Два диска, палка. Всё просто. А изменяет — всё. Как огонь изменил всё. Как зерно изменило всё. Как рисунок на стене — изменил всё.

Огонь — можно взять. Он лежит в природе. Мамонт — можно найти. Он ест траву. Зерно — можно съесть. Оно уже есть.

А это — нет. Этого в природе нет. Нигде. Это человек сам придумал. Взял дерево, взял камень, взял верёвку. Соединил. И получилось то, чего никогда раньше не было. Совсем. Ни на одной лесной поляне. Ни в одной пещере. Вообще нигде.

Первый человек, который додумался — он же не знал, что получится. Он, наверное, долго возился. Может быть, у него сначала не получалось. Может быть, кто-то смеялся над ним — «зачем ты крутишь эти круги, ничего не выйдет». А потом — вышло. И все увидели.

Витька думал: а если у этого человека ничего бы не вышло? Тогда бы никто не поехал. Тогда бы всё осталось как раньше. Но кто-то всё-таки додумался. Один. И теперь на этом поедет дальше всё племя. И дети этого племени. И внуки. И дальше. И дальше. И через тысячи лет — тоже.

Он посмотрел на свои руки. Просто мальчишеские руки. Ничего особенного. Ничего не умеют.

А ведь эти руки могут что-то сделать. Он сам может однажды придумать что-то. Что-то такое, чего раньше не было.

Он сжал и разжал кулак.

И в первый раз за все путешествия ему не было страшно и не было любопытно. Было — как будто его позвали куда-то, куда он ещё не скоро придёт. Но уже идёт. Шаг за шагом. Туда.

Он поднялся. Мужчины снова и снова катали повозку туда и обратно, проверяли, крепко ли держится. Один присел, посмотрел на ось. Второй поднял и опустил колесо. Оба были довольны. Видно было. Довольны тихо, спокойно, как бывает, когда сделал что-то хорошее и хочешь, чтобы оно работало.

Витька подошёл, тронул колесо. Тёплое на ощупь. Тяжёлое. Край гладкий, обтёсанный. Он провёл рукой по кругу. Круг был ровный, почти идеальный.

И Витька подумал не про колесо. Он подумал: так вот откуда вообще всё приходит. Всё, что сейчас есть у людей — было когда-то придумано. Один раз. Кем-то. И потом пошло дальше. И всё, что сейчас делают в школе, дома, на улице — тоже однажды кто-то придумал. Не потому, что был умнее. А потому, что увидел что-то, чего не видели другие.

Браслет мигнул у него на руке. Шестой квадрат становился зелёным.

Он оказался на веранде. Тот же двор. Тот же утренний свет. Утро субботы, длинное, свободное. Теперь — шесть зелёных. Двадцать четыре красных.

Он встал и пошёл в дом. На полке в комнате лежал велосипед — старый, с облезлой краской. Витька вывел его во двор и посмотрел на колёса.

Два колеса. Ось. Палка, за которую держишься. И всё. Всё то же самое. Только маленькое, лёгкое, с педалями.

Он сел и поехал. Круги по двору. Круги по улице. Он жал и жал, и ему было хорошо.

И вспомнилось два диска на палке. Такие же. Только здесь они двигают людей не по земле — по времени. От того места, где были, к тому, где ещё не были. И от этого нельзя отказаться. И назад — нет.

Он остановился у дома, поставил велосипед и сел на лавочку.

И сидел так долго. Долго-долго. Смотрел, как по небу идут облака. И думал.

Он уже умел думать не только про себя.

Глава 10. Разбор

Витька позвал их в среду.

Не в субботу, не в воскресенье, когда у всех дела. В обычный школьный день, после уроков. Чтобы не было времени подготовиться. Чтобы пришли как есть.

Сначала Петька. Петька пришёл первым, потому что он всегда приходит первым. Сел на лавочку, вытянул ноги, сказал:

— Ну?

Витька сказал:

— Ленка придёт. Тогда.

Петька кивнул. И они сидели молча. Так было можно. С Петькой всегда можно было молчать, и не было неловко.

Ленка пришла минут через десять. С портфелем, в куртке, с двумя косичками. Села на другой конец лавочки. Посмотрела на обоих.

— Ну?

Витька сказал:

— Сейчас.

Он долго не знал, с чего начать. Думал всю дорогу из школы. Думал вечером. Думал утром. Никак не получалось.

И начал не с того, с чего собирался.

— Помните, я вам тогда сказал? Что со мной что-то происходит. Вы ещё спросили, что.

— Помним, — сказала Ленка.

— Помним, — сказал Петька.

— Вот. Сейчас скажу.

Он рассказал всё.

Про то, как в первую ночь за рекой заглохло что-то и он пошёл. Про инопланетян, которые не показались и не сказали ни слова. Про браслет, который теперь всегда у него на руке, хотя никто, кроме них, его не видит. Про шесть зелёных квадратов. Про шесть путешествий.

Про мальчика у костра, который всю ночь держал огонь, и как он плакал, когда вернулись охотники.

Про мамонта. Про крик. Про то, как страшно было смотреть, когда мамонт умирал.

Про стену в пещере. Про мальчика, который рисовал зверей не для своих, а для тех, кто ещё не родился.

Про женщину с зерном. Про глину. Про козу, которая стояла у его ноги и жевала. Про то, как у него получилась кривая тарелка, а потом он лепил пирожок с бабушкой — и руки были те же, те же самые, тысячи лет.

Про костёр и человека с посохом. Про то, как все слушали одного. И про старика на камне, к которому никто не подходил.

Про колесо. Про два диска на палке. И про то, как он потом сел на велосипед и понял, что едет на том же самом. Только дальше.

Он говорил долго. Никто его не перебивал.

Когда он закончил, было тихо.

Первой сказала Ленка.

— Ты ничего не придумал.

Витька посмотрел на неё.

— Ты ничего не придумал, — сказала Ленка ещё раз. — Я вижу. Ты бы придумал лучше. Если бы врал, ты бы сделал интереснее. А у тебя скучно. Мамонт умирал долго. Тарелка кривая. Старика жалко. Так не врут.

— А как врут?

— Ярко.

Петька молчал. Витька посмотрел на него.

Петька сказал:

— Крик был какой?

— Что?

— Крик. Ну, когда ты закричал на мамонта. Какой?

Витька задумался.

— Громкий. Не как у меня. Как будто не я.

Петька кивнул.

— Значит, правда.

— Почему?

— Потому что если бы ты врал, ты бы сказал «я закричал, и мамонт испугался». А ты говоришь — «не как у меня». Это правда. Ты сам не понял, что это было. Так только правда бывает.

Витька ничего не сказал. Ему стало тепло.

Потом они сидели и обсуждали. Как всегда, когда что-то важное.

Петька спросил:

— А почему шесть? Почему не сто?

Витька сказал:

— Не знаю.

Ленка сказала:

— А почему именно это? Огонь, охота, пещера, зерно, вождь, колесо. Почему именно они?

Витька задумался.

— Не знаю. Может, потому что они главные.

— Для кого главные?

— Для них. Для людей. Для всех.

Ленка покачала головой.

— Нет, не так. Это не «главные события». Это шаги. Каждый раз — шаг.

Она стала загибать пальцы.

— Огонь — взяли у природы. Охота — с природой посчитались. Пещера — начали оставлять следы. Зерно — начали не брать, а возвращать. Вождь — начали делить людей. Колесо — начали делать то, чего вообще в природе нет. Видишь? Каждый раз — шаг. К следующему.

Витька смотрел на её пальцы. Шесть шагов. И — точно. Он сам не смог бы так сказать. А она смогла.

Петька вдруг засмеялся.

— Чего? — спросила Ленка.

— Да ничего. Просто ты сейчас как та старуха. Ну, учительница. Загибаешь, объясняешь.

— Это плохо?

— Нет. Это хорошо. Просто смешно.

Он смотрел на них обоих и улыбался. Ленка улыбнулась тоже. Витька — тоже.

И вдруг Витька понял, что это — то самое. Не путешествия, не квадраты, не мамонт, не огонь. Вот это. Сидеть на лавочке втроём. Говорить. И — понимать. Не объяснять по сто раз. Просто говорить и понимать.

Он рассказал всё — и они не спросили «а почему», не спросили «а докажи», не сказали «а ты врешь». Они просто сидели и делали с ним вместе то, чего он не мог бы сделать один.

Разобрали по шагам. Увидели то, чего он сам не видел. Заметили то, что он пропустил. И он подумал: вот оно. Так оно и работает. Так же было и там, с мамонтом. Один кричит — другой ловит. Один рисует — другой держит факел. Один думает — другие слушают. И только вместе — получается.

Он вспомнил, что говорила ему Ленка месяц назад, когда умерла бабушка Пети. «Ты не один». Тогда это было утешение. А сейчас это было что-то большее. Как правило.

Он не сказал этого вслух. Это было лишнее.

Уже темнело.

Петька сказал:

— А дальше?

Витька посмотрел на браслет.

Квадратов было шесть зелёных. И двадцать четыре красных.

— Дальше будет ещё.

— Ещё двадцать четыре раза?

— Не знаю. Может, не все. Может, не так.

— А что будет? Ты знаешь?

Витька покачал головой.

— Нет. Совсем не знаю.

Петька кивнул. И сказал:

— Тогда мы будем рядом. Когда понадобится.

Ленка сказала:

— Скажешь, когда понадобится. Мы придём.

— Я не могу вас взять. Только я.

— Мы знаем. Мы и не просим. Мы будем тут. Когда вернёшься. Будем слушать. Как сегодня.

Витька ничего не сказал. Смотрел в сторону. Горло почему-то сжалось, и он не хотел, чтобы это заметили. Не заметили. Или заметили — но не подали вида. Эти двое умели не подавать вида. Оба.

Потом они ушли.

Витька проводил их до калитки. Посмотрел, как они идут вдоль улицы — двое, не рядом, а чуть на расстоянии, потому что не пара, а трое, только один уже ушёл домой. Свет ещё был. Тёплый, как вечером летом. Где-то у соседей дымилась печка.

Витька вернулся н

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.